

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ

О.В. Бойко

МИФОЛОГИЯ СУИЦИДА

В статье отражена точка зрения на феномен суицида, которая основывается на признании мифологичности этого сюжета в истории социологии, культурных практиках и образах повседневности. Рассматривается эволюция теоретических знаний о сущности явления, появление социологических концепций суицида в России и за рубежом; вновь подвергаются анализу знаменитые формулы Эмиля Дюркгейма. Обсуждаются культурные представления относительно данного явления, показана динамика социальных установок к суицидальному действию. Особое внимание уделяется влиянию установок к суициду на их уровень, а также репрезентациям феномена в современной культуре.

Краткая ретроспектива социологических концепций суицида

Несмотря на то, что феномен суицида известен с древнейших времен, сам термин введен относительно недавно. Одно из предположений о происхождении этого слова состоит в том, что оно сходно с однокоренными — «suist» — эгоистичный человек, «suicism» — эгоизм; другой синоним описывает его через «self-homicide» — само-убийство. Оксфордский словарь утверждает, что термин «суицид» был впервые использован в Англии в 1651 г. и происходит от латинского слова «suicidium», содержащего местоимение «себя» и глагол «убивать» (Farberow 1975: 1). Понятие «суицид» имеет в английском языке два значения: 1) человек, который намеренно убивает себя и 2) намеренное самоуничтожение. В русском языке «самоубийство» также означает «намеренное лишение себя жизни» (Ожегов, Шведова 1996: 685).

В определении Дюркгейма самоубийством называется каждый смертный случай, который является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если пострадавший знал об ожидавших его результатах (Дюркгейм 1912). Однако такая однозначность в терминологии существует только на первый взгляд. Многие проблемы, которые поднимают исследователи суицидального поведения, связаны с определением границ явления — что считать суицидом, а что нет. Сомнения возникают в следующих вопросах: может ли считаться суицидом самопожертвование, доходящее до готовности идти на смерть; полагать ли суици-

дальным демонстративно-шантажное поведение, цель которого вполне жизненна; какой суицид считать истинным; насколько важна роль сознания в аутодеструктивном решении.

Чтобы проследить развитие научных знаний о феномене суицида, предпримем попытку репрезентации исторических взглядов и зафиксируем момент, когда впервые появляются социологические гипотезы. В греческой философии существовали два различных представления о суициде. Одно исходило от Пифагора, рассматривающего жизнь как сущность, данную богом, которому человек должен подчиняться. К этой позиции его привела теория чисел, согласно которой существует определенное количество душ, функционирующих в данный момент. Самоубийство нарушало духовную математику, так как внезапно образовывало брешь в мире. Аристотель характеризовал суицид как действие, которое направлено против целей государства и, следовательно, должно быть наказано. Показав разрушающее действие суицида на социальную жизнь, Аристотель выделил его антисоциальную природу, в дальнейшем эта идея получила широкое развитие и распространение. Позиция Платона совмещала в некоторой степени оба представления: поскольку человек есть сын божий, он не просто его собственность, но и его солдат, поэтому самоубийство равноценно дезертирству (Farberow 1975: 8).

В Средние века развивался антагонизм к суициду, он вновь стал социальным преступлением, осуждаемым и наказуемым. В оправдание этих взглядов Св. Августин отмечал четыре аргумента: 1) человек не имеет права убить виновного человека; 2) самоубийца, отнимая собственную жизнь, убивает человека; 3) праведная, благородная душа будет выносить все страдания, избегая слабости; 4) самоубийца умирает как худший из грешников, потому что он не только избегает страха осуждения, но и любой возможности прощения. В XIII в. Ф. Аквинский в «Сумме теологии» сформулировал авторитетную позицию церкви по этому вопросу. Самоубийство — абсолютно неправильное действие по следующим причинам: 1) оно неестественно; 2) каждый человек является членом некоторого сообщества и, следовательно, суицид антисоциален; 3) жизнь есть подарок Бога и не находится в распоряжении человека.

В период Ренессанса суицид стал рассматриваться с индивидуальных позиций, подчеркивалось значение его психологической составляющей, предпринимались попытки рациональных объяснений. XVIII в. ознаменовал дальнейшие изменения во взглядах на природу и сущность феномена. Во Франции Ф. Вольтер придерживался рационального подхода к самоубийству, Ж. Руссо романтизировал это явление.

Наиболее значительным трудом в этот период было «Эссе о самоубийстве» Д. Юма, в котором он доказывал неправомерность рассмотрения суицида как преступления против Бога, близких и себя. Первое, суицид не был преступлением против Бога, потому что Бог дал человеку способность действовать и смерть от своих рук находилась под контролем божественного. Второе, суицид не был преступлением против близких и общества: «человек, который уходит из жизни, не причиняет вред обществу, а только

прекращает делать хорошее, и если это вред, то наименьший» (Юм 1995: 202). Третье, Юм полагал, что нет человека, который ушел бы из жизни, если бы она стоила сохранения, следовательно, суицид не мог быть преступлением против себя.

В чередке исторических представлений особая роль принадлежит пониманию социальной обусловленности феномена в «Этике» Б. Спинозы. По словам С. Бербоуна и Л. Райс, Спиноза сосредоточился не на идеях рациональности или моральности суицида, но на его причинности (Barbone, Rice 1993: 229–241). Важным положением является гипотеза о том, что человек совершает суицид по необходимости своей природы, но только из следствия внешних причин (Сенека вскрыл себе вены, чтобы избежать большего зла, выбрав меньшее). По мнению Спинозы, среда вступает в противоречие с «природным агентом» и, как таковое, суицидальное поведение есть знак внутренней слабости перед лицом этой среды. Однако есть те, кто желает своего уничтожения, и они убивают себя в результате «скрытых внутренних причин» (Спиноза 1993). В этом случае Спиноза придерживается той точки зрения, что человек в действительности не хочет своей аутодеструкции, однако не выдерживает давления сил, которые хотя и являются внутренними, но не отражают истинную сущность человека. Интерпретатор Спинозы Беннет пишет, что перед самоубийством Хэмингуэй стал другой личностью, Хэмингуэйем, и именно он совершил убийство. Проблема суицида множественной личности отмечается у Спинозы в описании сумасшествия (madness). Личность и человеческая индивидуальность — хрупкие материи для философа, и модели множественной личности не исключаются в человеческом поведении.

Тем не менее, согласно Спинозе, любая попытка понять причины суицида должна фокусироваться не на людях, которые подвергаются разрушительным силам, но на причинах, воздействующих извне. Необходимо тщательно исследовать среду, в которой наличествуют условия для самоуничтожения. Экологичный вывод философа заключается в том, что суицид всегда есть симптом недостатка жизнеутверждающих и укрепляющих обстоятельств в самой среде (прежде всего социальной). Если исходить из подобных представлений, возрастание числа суицидов может рассматриваться как обвинительный акт против коллективного недостатка способности продуцировать окружение, поддерживающее нарушенные способности к самосохранению.

И. Кант подчеркивал сумасшествие человеческой жизни, которая, следовательно, во что бы то ни стало должна быть сохранена. Мадам де Сталь выступала против выбора суицидального решения, утверждая, что жизнь вопреки боли и кризисам делает человека лучше, а самоуничтожение отрицает моральное достоинство человека. Шопенгауэр в теории моральной свободы отмечал, что высший этический кодекс обеспечивается отрицанием воли к жизни. Суицид не есть такое отрицание, наоборот, он есть воление к жизни, но неудовлетворенное условиями, а поэтому и представляет собой несвободу (Шопенгауэр 1900: 397).

Эмпирические исследования феномена появились в XIX столетии. Медицинские теории пытались поместить суицид в поле физиологической

медицины. Например, предполагалось, что к суицидальным действиям склонны люди с тупыми черепами или что подобное действие является результатом поступления фосфора в мозг. Эскироль утверждал, что все самоубийцы были сумасшедшими, хотя позже Крепелин доказывал, что только 30 % имеют психические заболевания.

Коренной переворот в научном понимании феномена был совершен Э. Дюркгеймом, опубликовавшим в 1897 г. свой знаменитый труд, где были поставлены под сомнение все существующие попытки объяснить природу суицида медицинскими, психиатрическими, психологическими и иными причинами. Эссе о самоубийстве и концепция аномии стали первыми социологическими теориями, основанными на глубочайшей проработке статистических данных за полувековой период. Дюркгейм, прежде всего, показал независимость общего числа суицидов от психопатических состояний, алкоголизма, влияния подражания и психологических мотивов. Доказывая, что «относительное число случаев, приписываемое статистикой каждой из этих предполагаемых причин, остается почти неизменным, тогда как абсолютные числа, наоборот, подвергаются значительному изменению» (Дюркгейм 1912: 186), он выделяет некоторые социальные факты, объективные сущности, которые могут быть подтверждены в повторяющихся действиях не связанных индивидов. Таковыми стабильными детерминантами выступают в теории Дюркгейма религиозная вера, брачный статус и участие в военных действиях.

Анализ влияния вероисповедания на уровень суицидов в европейских странах позволил сделать вывод об очевидном преимуществе религиозной интеграции. Католические страны (Испания, Италия, Ирландия) имели более низкие показатели, чем протестантские, более того, в смешанных странах у католиков уровень суицидов также был ниже. Низкий суицидальный риск отмечался и в еврейских общинах. Объяснение Дюркгейма строилось на определении особенностей религиозной веры: католики, как правило, представляли религиозную группу, подчеркивающую полезность догматов веры, ритуалов и духовенства, тогда как протестантам позволялось проявлять собственную религиозную активность и большую свободу в толковании. Для евреев существенным антисуицидальным фактором, по мнению Дюркгейма, выступала необходимость бороться со всеобщим враждебным отношением, каждая еврейская община была социальным целым, четко осознающим свое единство.

Вторым независимым социальным фактом в исследовании Дюркгейма признается брачный статус, который, в предложенной терминологии, обеспечивает коэффициент предохранения от суицида, превышающий единицу. В этом случае «мы имеем здесь влияние домашней среды <...> нейтрализующей наклонность к самоубийству» (Дюркгейм 1912: 221). Третьим существенным моментом в обосновании Дюркгеймом теории интеграции и солидарности служит инверсия индивидуальной энергии на поддержание сплоченности и защиту национальных интересов во время социальных переворотов и войн. В такие годы уровень суицида заметно снижается, например, в 1866 г., когда разразилась война между Австрией и Италией, число самоубийств как в той, так и в другой стране уменьшилось на 14 %.

Сегодня, спустя более чем столетие после опубликования классического труда Дюркгейма, подтверждается неизменное влияние отмеченных анти-суицидальных факторов. Так, И. Веерасингхе и Л. Тепперман, сопоставляя уровень счастья и склонность к суициду с семью стандартными социально-демографическими характеристиками, обратились к традиционным параметрам — религиозности, брачному статусу и занятости (Weerasinghe, Terperman 1994: 199–233). Подтверждая в целом классическое положение Дюркгейма о религиозности как факторе, предотвращающем суицид, авторы не выделяют какой-либо одной конфессии, оказывающей наиболее благоприятное превентивное влияние.

Вероятно, в современном обществе воздействие конфессиональной принадлежности не столь велико, как само наличие религиозной веры. Можно усомниться в предположении Дюркгейма о католической (или иудейской) вере, способствующей более крепкой интеграции. Речь скорее может идти о различных установках священства и социальных аттитюдах католиков к суициду по сравнению с другими конфессиями. До настоящего времени в католической церкви распространено осуждающее и враждебное отношение к суицидальному действию и в некоторых странах запрещено церковное захоронение самоубийц. Кроме того, рассмотрение укрепляющего воздействия католической веры безотносительно к другим социокультурным фактам современности неправомерно. Австрия и Италия — католические страны, однако в первой уровень суицида в конце XX века был одним из самых высоких (24,5 на 100 тыс.), во второй — одним из самых низких (7 на 100 тыс.) (Farberow, Simon 1975; Farber 1975).

Брачный статус в исследовании И. Веерасингхе и Л. Тепперман также выступил переменной с позитивным действием (Weerasinghe, Terperman 1994). Попытки свести счеты с жизнью были чаще связаны не столько с брачным статусом, сколько с внезапным его изменением и потерей значимого другого (развод, смерть супруга). Авторы уделяют большое внимание занятости как важной статусной характеристике, имеющей антисуицидальное значение, что в некоторой степени отражает представления Дюркгейма о позитивном влиянии труда, профессиональных объединений (Дюркгейм 1996: 432).

Не меньшей заслугой Дюркгейма признается создание классификации и выделение четырех социальных типов самоубийства: эгоистического, альтруистического, аномического и фаталистического. Характерными для эгоистического самоубийства являются личностная ответственность за принятие решения о продолжении своей жизни, а также недостаточная интеграция в поддерживающую общность. В случае альтруистического самоубийства индивид идентифицируется с группой и готов пожертвовать жизнью ради остальных ее членов. Разрушение поддерживающей ценностной системы, социальная дезорганизация — детерминанты аномического суицида. Фаталистическому самоубийству Дюркгейм не придает большого значения в современном обществе, этот тип скорее характерен для рабовладельческих обществ, когда люди не верили, что смогут как-либо повлиять на свою жизнь. Так, к их числу относятся религиозные, фанатичные, групповые самоубийства (Катастрофы сознания 1996; Скородумов 1998).

В настоящее время данная типология продолжает отражать формы аутодеструктивного поведения, хотя становится ясной тенденция к смешению типов. К числу достоинств работы Дюркгейма следует отнести и ряд частных статистических закономерностей, подтверждающихся и в настоящее время. Так, классиком была обрисована кривая зависимости суицида от физических и темпоральных факторов, например, от времени года: «Начиная с января включительно число суицидов регулярно увеличивается из месяца в месяц вплоть до июня, а начиная с этого месяца до конца года правильно падает» (Дюркгейм 1912: 110). Также были отмечены корреляции со временем суток и днями недели, которые в целом соответствуют современным данным. Однако Дюркгейм отрицал наличие каких-либо связей с геоклиматическими (широта, среднесуточная температура) и расовыми факторами, признанными сегодня в качестве предпосылок, существенно воздействующих на уровень суицидов.

Основной альтернативой интегративному подходу к суициду в социологии XIX в. выступала теория подражания суициду, берущая начало от В. Тарда. В социологии Дюркгейма эта идея была отвергнута, подчеркивалось, что подражание само по себе не влияет на суицид. Теория подражания объединяла несколько незначительно отличающихся форм социальных процессов: заражение, подражание, распространение, имитацию и «эффект Вертера» (Vjarnason 1994). В рамках данной традиции изучались отражение реальных и демонстративных суицидов в средствах массовой информации, временные и пространственные циклы и эффекты бумеранга в программах суицидальной превенции. Критика Дюркгеймом теории подражания объяснялась не реальной неприменимостью этих идей, а скорее стремлением создать чистую социологическую концепцию, без примесей психологизма.

В России первые научные свидетельства о феномене суицида появились в начале XIX в. Исследования проводились отдельными энтузиастами: К. Германом, П. Розановым, Г. Гордоном, В. Бехтеревым, М. Гернетом и не претендовали на статус концептуальных теорий. В 1823 г. на заседании Российской Академии был прочитан доклад К. Германа на тему «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 гг.». Сопоставляя различные социальные факторы: пьянство, экономическое положение, социально-политические условия после войны Герман показал, что динамика числа самоубийств за несколько лет «позволяет, по крайней мере, частью узнать нравственное и политическое состояние народа» (цит. по: Гишинский 1997: 164). В сравнительном исследовании начала XX в. А. Лихачев сделал попытку изучить культурные влияния Западной Европы и европейской России на преобладание тех или иных мотивов суицида и сопоставить некоторые социально-демографические характеристики (пол, возраст) суицидентов. Им были выделены основные классы мотивов: 1) душевные болезни и меланхолия; 2) пьянство; 3) материальные невзгоды; 4) утомление жизнью; 5) горе и обиды; 6) физические страдания; 7) стыд и страх; 8) неудача в любви (Лихачев 1995).

Акт самоуничтожения на рубеже веков рассматривался как симптом психического заболевания и проблема представляла интерес прежде всего для

медиков, психиатров (Г. Гордон, И. Зубов, И. Лебедев, П. Розанов). Г. Гордон утверждал, что предрасположенность к самоубийству есть внутреннее свойство или состояние организма, недостаток духовной энергии, которая субъективно воспринимается как утрата вкуса к жизни, ее цели и смысла. Психологи и медики анализировали самоубийство исключительно как индивидуальный поведенческий акт и не видели в нем социального явления. Однако в трудах В. Бехтерева, И. Сикорского подчеркивалось значение социальных факторов, таких, как условия семейного и школьного воспитания в генезисе самоубийств, обращалось внимание на необходимость общественных усилий для предупреждения суицидов (Бехтерев 1995: 253). В. Бехтерев, размышляя о причинах самоубийства, описал интересный социоэкологический факт: в странах с развитой железнодорожной сетью количество аутоагрессивных актов выше; а также эффект последствия, согласно которому число самоубийств в годы революций и войн не изменяется, но в последующие годы вследствие разочарований и утрат растет (ср. у Дюркгейма). И действительно, эта тенденция была отмечена в период Первой и Второй мировых войн.

Постреволюционный период, по мнению Я.И. Гилинского, состоит из двух самостоятельных этапов в социологии суицидального поведения: с октября 1917 до начала 1930-х гг. и с начала 1960–1970-х гг. по настоящее время (Гилинский 1997: 169.) После 1918 г. был создан отдел моральной статистики, фиксировавший сведения о суицидах и социально-демографическом составе суицидентов. Продолжались исследования мотивов, способов самоуничтожения, сравнивались региональные данные. Время сталинского правления отмечалось закрытым доступом к статистическим данным и запретом исследовательских работ.

Наконец, 70-е гг. XX в. были отмечены развитием научно-исследовательских разработок в области суицидологии. Наиболее значительный вклад в изучение суицидального феномена внесли Я.И. Гилинский и его школа девиантологии в Ленинграде, а также А.Г. Амбрумова и ее соратники-суицидологи в Москве. Концепция А.Г. Амбрумовой в контексте социокультурного измерения суицида имеет особое значение. Несмотря на, казалось бы, очевидную социально-психологическую сущность («концепция социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта»), она является великолепным примером социокультурного анализа современности — прежде всего, вследствие определения и четкой вербализации многочисленных культурных феноменов России последних двух десяти летий. Современная социальная ситуация описывается следующими дезадаптирующими факторами: резко различающимися социоэкологическими особенностями регионов России; интенсивными миграционными процессами; алкоголизацией населения; дифференциацией сельского и городского населения по условиям и образу жизни; изменением традиционных устоев и сложившихся обычаев; усилением статусных различий; разрушением института семьи; разрывом поколений, негативно отозвавшимся на взаимоотношениях молодых людей и лиц старшего возраста; ослаблением морально-этических норм; дегуманизацией основных понятий; снижением ценности человеческого существования (Амбрумова 1986; Амбрумова 1989; Амбрумова 1996).

Вместе с тем данная концепция объединила интрапсихические и средовые воздействия в генезисе суицидального поведения. А.Г. Амбрумовой, В.А. Тихоненко, С.В. Бородиным, А.С. Михлиным, Л.И. Постоваловой и другими учеными выделены различные классификации типов и этапов суицидального поведения, мотивы и поводы суицида, медицинские критерии риска, а также многочисленные взаимосвязи с социальными и профессиональными характеристиками, этнокультурной принадлежностью, образовательным уровнем, брачно-семейным положением, состоянием здоровья. Существенное значение в концепции придается дальнейшим исследованиям социально-демографического и социоэкологического характера, выработке превентивных мер и выявлению антисуицидальных факторов.

В теории девиантного поведения Я.И. Гилинского социальная норма — это необходимый и относительно устойчивый элемент социальной практики, играющий роль инструмента социального регулирования и контроля (Гилинский 1991: 72). Под девиантным поведением понимается: 1) поступок, действие человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам; 2) социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам. Суицид не является в настоящее время, как увидим далее, ни запрещенным, ни уголовно наказуемым, ни даже осуждаемым действием, однако в терминах этой теории он принадлежит к отклоняющемуся поведению. В пользу отнесения феномена самоубийства к девиациям свидетельствует и фактическая взаимосвязь с другими формами отклонений.

Таким образом, репрезентация исторических взглядов на феномен суицида не только иллюстрирует постепенное изменение и углубление научных представлений о его природе, но и предоставляет возможность зафиксировать первые социологические концепции суицида. Основные теории концентрируются вокруг обуславливающих суицид факторов: социальной поддержки и солидарности, суицидального подражания, в них также рассматриваются философские основания вопроса, психологические мотивы самоубийств и влияние социально-демографических характеристик на уровень суицида. Фундаментальная концепция Э. Дюркгейма, основанная на генерализованных социетальных факторах, спустя столетие во многом продолжает отражать специфику суицидального поведения. Однако многие феномены остаются необъясненными. В аналитических работах недостаточно учитываются культурные различия, берущие истоки в культурах прошлого — различия не только между европейскими странами, но и странами Азии, Африки, Америки и других континентов.

Социальные аттитюды и суицидальный феномен

Разнообразие определений аттитюда призывает исследователя, фокусирующегося на определенном объекте, к дифференцированному поиску и отбору стартовых гипотез. Неприязательный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенными являются определения аттитю-

дов через установки, отношения, диспозиции, взгляды, представления. Установка понимается, прежде всего, как сочетание когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов, обеспечивающее состояние умственной и нервной готовности, которое оказывает направляющее влияние на реакции индивида в отношении объектов (Дилигенский 1994).

Г.Г. Дилигенский, поясняя соотношение познавательного и эмоционального компонентов в установке, отмечает, что установки усваиваются в готовом виде из общественного сознания через процессы социализации и коммуникации, укрепляются вначале в сознании субъекта, вербализуются и лишь затем укореняются в аффективной и бессознательной сферах психики. По мнению Дж. Кэмпбелла, социальная установка индивида — это прочный синдром реакций, внутренне последовательных по отношению к ряду социальных объектов (цит. по: Грин 1966: 227). У. Томас и Ф. Знанецкий помимо осознанности подчеркивают и обязательную деятельную направленность установки, детерминирующую активность индивида в социальном мире. Именно этим американским социологам принадлежит авторство в использовании категории аттитюда для изучений социальных явлений. Социальная установка понимается ими как индивидуальное отношение к объекту, определяемому как ценность в данной социальной общности (Энциклопедический социологический словарь 1995: 872).

Однако высокий уровень обобщения подобных определений не отражает специфики частных аттитюдов, в частности, аттитюдов к суицидальному поведению. В данном контексте наибольший интерес представляет определение, данное И. Дубом: «установки — имплицитные реакции, одновременно и предваряющие и опосредующие отношение к шаблонам явного поведения, реакции, которые вызываются множеством стимулирующих шаблонов и которые считаются социально значимыми в обществе данного индивида» (цит. по: Грин 1966: 227). Шаблоны, модели и паттерны суицидального поведения, а также модели отношения к самоубийству и являются, в первую очередь, предметом этого исследования.

Социологический смысл установки, по мнению Томаса и Знанецкого, заключен в некоторых ее формах, проявляющихся в правилах поведения, посредством которых группа стремится сохранить, отрегулировать и сделать наиболее общим и повторяющимся соответствующий тип действий среди своих членов (Томас, Знанецкий 1996: 343). Причем ощущается необходимость предотвратить слабые и диффузные установки, не сочетающиеся с «правильной» установкой, тем более переход их в действие. Таким образом, и определение Дуба, и замечание Томаса и Знанецкого указывают на социальное конструирование установок. В первом случае подчеркивается, что отношение к одним социальным конструктам вызывается другими социальными конструктами, которые усвоены из социального опыта (явления гомоморфны). Во втором — налицо процесс создания «нормальных» установок, отражающих групповые идеалы и ценности, а также процесс отделения, отстранения от девиантных установок.

Аксиологическая направленность аттитюда прослеживается именно в оценочном отношении к социальным объектам, психологически имеющем от-

рицательный или положительный полюс. Будучи синтезированным из философского понятия «ценность» и психологического «установка», термин «аттитюд», на наш взгляд, непосредственно включен в проблемное поле социальной аксиологии, и эта взаимосвязь тем более важна, когда мы рассматриваем социальную аксиологию самоубийства. Социальные установки (аттитюды) выступают в качестве оценочного выражения социальных представлений. В социальную психологию последнее понятие было введено Э. Дюркгеймом как коллективное представление, воплощенное в языке, обычаях и общественных институтах. Наиболее значительный вклад в определение этой категории внес С. Московичи, предложивший понимать под социальными представлениями знания и верования, которые возникли в повседневной коммуникации и обладают соответствующей структурой (Социальные представления 1996). Связь социальных представлений с обыденным сознанием выступает важным положением в теории Московичи. Социальные представления, являясь образами и понятиями, разделяемыми определенным социальным сообществом, члены которого используют их для организации своего мира, обладают определенной независимостью от объективных «базисных» характеристик (см. Дуаз 1994: 19). Так, рациональное знание о любом явлении, например о СПИДе, отличается от социального представления об этом заболевании.

Отдельный круг вопросов связан с понятием анкеровки в теории социальных представлений. Термин анкеровки (якорения) был введен в социальную психологию С. Московичи. По мнению В. Дуаз, «индивидуальное значение тех или иных социальных представлений всегда наслаивается или “укрепляется” на некоторой более общей системе значений, опосредующей коммуникации и отношения, свойственные данному социальному пространству» (Дуаз 1994: 19). Существуют три типа анкеровок: психологические, социально-психологические и социологические. Первые связаны с влиянием на социальные представления общих ценностей и убеждений, которые опосредуют отношения с другими людьми. Вторые описывают то, как люди представляют себе взаимосвязь различных социальных категорий, а третий тип анкеровок может быть выделен при установлении связи между социальными представлениями и конкретными статусными социальными позициями респондентов.

Дифференциация установок на объект и установок на ситуацию имеет существенное значение не только и не столько для теории аттитюдов, но и, в большей мере, для ее частных приложений. Американские социологи (Лапьер, Рокич) установили, что поведение может определяться в одних случаях аттитюдами на объект, в других — аттитюдами на ситуацию. Так называемая загадка Лапьера, возникшая в результате эксперимента с привлечением китайских студентов, описывает разницу между вербальными и поведенческими установками. Безличный анкетный вопрос гораздо чаще стимулировал проявление расистской установки, чем реальная ситуация контакта лицом к лицу с определенными социальными позициями и ролей (Бозрикова, Семенов 1974). В.А. Ядов объясняет рассогласование между диспозициями и фактическим поведением личности множественностью и про-

тиворечивостью социально-нормативных предписаний, относящихся к различным сторонам жизнедеятельности людей (Ядов 1979).

Иллюстрацией рассогласований между установкой на объект и установкой на ситуацию (вербальной и поведенческой установками, диспозицией и фактическим поведением) служит неоднозначное отношение социума к суицидальному феномену. Многочисленные исследования отражают почти абсолютно негативное отношение к самоубийству и совсем иное отношение к конкретному человеку, решившемуся на этот шаг. Вместе с тем подобные установки меняются в зависимости от возрастного, гендерного, образовательного и профессионального факторов.

В исследовании Я.И. Гилинского и Л.Г. Смолинского 74,4 % респондентов сочувственно относятся к тем, кто пытался покончить с собой, причем число сопереживающих увеличивается по мере роста образовательного уровня опрошенных (Гилинский, Смолинский 1988). В кроссэтническом изучении американского восприятия суицида образовательный уровень также выступил значимым фактором. С возрастанием образования были связаны: 1) рост объяснений самоубийства психологическим стрессом и уменьшение приписывания его к финансовым проблемам и психической болезни; 2) уменьшение числа описаний суицидального характера как малодушного или сумасшедшего; 3) рост осознания того, что человек, совершивший суицидальную попытку, нуждается в профессиональной помощи и уменьшение требований о наказании или прекращении притворства; 4) возрастающая тенденция к контакту с соответствующими профессионалами психического здоровья в случае, если кто-либо высказывает суицидальные намерения; 5) рост знания о центре суицидальной превенции (Reynolds, Kalish, Farberow 1975: 3).

Таким образом, социальные представления о самоубийстве и суициденте существенно различаются и представляют, в первом случае, установку на объект, во втором — на ситуацию. Действительно, обобщенные понятия (китайцы, самоубийство) создают несколько отвлеченный образ, где доминирует лишь одна из широкого спектра установок, интериоризированных из социального опыта. В реальной ситуации со своеобразным набором условий вступают во взаимодействия различные нормы и ценности («это не лучший выход», но «помоги ближнему»). Именно поэтому и получается, что «можно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству» (Бердяев 1992: 2). С другой стороны, в этом, возможно, и нет противоречия, — напротив, такое отношение логически последовательно. В самом деле, отрицая возможность подобного шага, общество стремится поддержать индивида с суицидальными намерениями, тем более что в акте самоуничтожения не наблюдается видимого разрушительного воздействия на окружение.

Последнее, однако, достаточно спорно. Самоубийство — это всегда социальное действие, вызывающее резонанс не только среди ближайшего окружения, но и во всей социальной системе. Так, еще антропологами были отмечена двойственная природа аутодеструкции: по китайским поверьям, самоповешение на воротах обидчика считалось наиболее сильным наказанием и отмщением (Mead 1979). В примитивном племени, описанном Б. Малиновским, когда индивид обвинялся в нарушении одного из табу пле-

он забирался на верхушку пальмы, объявлял свою вину и называл того, кого он оскорбил, а затем прыгал навстречу своей смерти (Farberow 1995: 5). Социальный смысл самоуничтожения также может быть обнаружен в мотивах протеста против контролирующего окружения или социального устройства, в мотивах призыва, зова о помощи — достаточно частые детерминанты суицидального поведения в настоящее время. Кроме того, суицид может выступать как социальным действием, так и политическим актом, поскольку индивид, решающийся на этот шаг, приводит общество в согласие со своими собственными нормами, разрушает институционализацию смерти. Культурную преемственность и репрезентативность самоуничтожения определяет то, что его предполагаемый смысл соотносится с действием других людей — именно это, по М. Веберу, является одним из критериев социального действия (Вебер 1990: 603).

Социологический смысл аттитудов заключается, прежде всего, в самом процессе социального конструирования установок, поскольку отношение к одним социальным конструктам вызывается другими социальными конструктами. В этом процессе социально значимым является создание «нормальных» установок, наиболее общих и повторяющихся, отражающих групповые идеалы и ценности. Социальные установки выступают в качестве оценочного выражения социальных представлений, разделяемых определенным социальным сообществом, члены которого используют их для организации своего мира.

Культурно-историческая эволюция суицидальной установки

Отношение к самоубийству изменчиво, и прежде чем интерпретировать современные социальные представления о феномене, произведем некоторую реконструкцию общественных установок в различные культурно-исторические периоды.

Эволюция аттитудов происходила следующим образом:

Действие	Индивид
Нарушение табу, запрета	Захваченный духами, вызывающий страх
Преступление против общества	Преступник, нарушитель норм
Вселение (происки) дьявола	Носитель злого, дурного
Грех	Еретик, изменник, атеист
Позор	Презренный, бесчестный или со стигмой бедности, неудачник
Сумасшествие, психическая болезнь, ненормальность	Сумасшедший, психопат
Слабая адаптивность, незащищенность	Проигравший, бессильный добиться успеха, не умеющий приспособливаться

В традиционных обществах отношение к суициду обычно основывалось на эмоциональных, нерациональных аспектах. Функцию социального контроля выполняли различные табу и магические ритуалы. Смерть была

табуированным объектом, контакт с умершим насильственной (тем более самоинициированной) смертью у многих народов полагался опасным. Женщины Баганда особенно боялись духов умершего, которые «заполняли» тело, и избегали того места, где он был похоронен (Farberow, Simon 1975: 9). У филиппинских племен (набалоев) до настоящего времени существует поверье, согласно которому духи умерших живут на вершинах высоких гор. Духи самоубийц являются изгоями в мире духов, отличаются черным цветом лица и поведением — они постоянно повторяют акт самоубийства (Почагина 1986: 110).

Негативные чувства к самоубийству в более поздний период объяснялись двумя причинами. Во-первых, вследствие усиления внутригрупповой регуляции и регламентации каждая неподконтрольная смерть расценивалась как пренебрежение к обществу. Во-вторых, сообщества становились все более экономически ориентированными, суицид лишал группу либо полезного воина, либо потенциальной матери как части капитала. В римский период впервые были введены санкции за самоуничтожение как социальное преступление — у покушавшихся на самоубийства и наследников самоубийц отбирали имущество и конфисковывали земли. К IV в. н. э. в европейской культуре антагонизм к суициду развивался в рамках Церкви и прогрессировал от попыток осуждения к осуждению и наказанию. Три вида самоубийств продолжали приниматься: насильственное мученичество, смерть аскета и смерть невинной или замужней женщины, чтобы сохранить целомудрие.

В 1284 г. во Франции Синодом было запрещено христианское погребение, труп провозили по улицам и хоронили на перекрестках, самоубийство воспринималось как измена и ересь. Примеры отрицательного отношения к самоубийцам в XV–XVI вв. приводит Э. Дюркгейм: «В Бордо труп вешали за ноги, в Аббевиле его тащили в плетенке по улицам, в Лилле труп мужчины, протащив на вилах, вешали, а труп женщины сжигали... Имущество конфисковывалось. Дворяне лишались звания, их леса вырубались, земли разрушались, гербы ломались... Подобная всеобщность отрицательного отношения к самоубийству, если не обращать внимания на случаи регресса, уже сама по себе является поучительным фактом» (Дюркгейм 1912: 453).

С ростом коммерциализации и приходом протестантизма социальные взаимоотношения оценивались с точки зрения экономических стандартов. Обладание собственностью и процветание стало идеалом эпохи, бедность стигматизировалась, а разорение часто приводило к самоубийству. Кроме того, повышение статуса семьи и роли среднего класса в обществе определило отношение к самоубийству как к явлению, которое необходимо скрыть и держать в секрете (во избежание изменения статуса). К этому времени самоубийство все чаще связывается с сумасшествием и психической болезнью («нарушено эмоциональное равновесие»). В конце XIX в. европейские законы наказывали только суицидальные попытки, а также помощь и побуждение к суициду. В большинстве европейских стран и стран Северной Америки в начале XX в. было разрешено церковное захоронение совершивших самоубийство.

Некоторые случаи отрицания суицида известны и в русской истории. Устав Морской за 1763 г. предусматривает следующие наказания: «Кто захочет сам себя убить и его в этом застанут, того повесить на рее; а ежели кто сам себя уже убьет, тот и мертвой за ноги повешен быть имеет. Ежели сие убийство намерено было, или учинено от какова себе мучения или не сносной наложи, или себя в беспамятстве, как то случится в огневых и в меланхолических болезнях, то те, которые в том найдутся, вышеписанным казням не подлежат» (Устав Морской 1763: 149). Кроме того, даже в научных кругах вплоть до начала XX в. осуждались исследования суицидального феномена, — так, доклад Германа не был опубликован на русском языке, поскольку министром народного просвещения Шишковым была вынесена резолюция о недопустимости печатания подобных статей и было высказано пожелание впредь над такими пустыми вещами не трудиться (Гишинский 1997: 164). В СССР существовал тезис о «нетипичности» явления, полагалось, что с позиций морали такой способ ухода из жизни не отвечает идеалам совершенной личности (Социальные отклонения 1989: 281).

Отношение к суициду в настоящее время практически идентично во многих сообществах. Суицидальное поведение приписывается воздействию психологического стресса, депрессии, одиночеству, социальной незащищенности и другим дезадаптивным факторам. Наиболее распространенными чувствами к человеку, совершившему самоубийство, являются сочувствие, жалость, снисхождение, однако существуют и равнодушие и отвержение. В католических странах с низким суицидальным уровнем (Италия, Испания, Ирландия) самоуничтожение продолжает считаться грехом. Исследования, впрочем, показывают, что суицид во многих случаях регистрируется под заключением «несчастный случай» или «естественная смерть», а диагноз «психическая болезнь» обеспечивает церковное отпевание и захоронение в черте кладбища.

Стигма сумасшествия все еще закрепляется за человеком, покончившим с собой. Замечание М. Фуко — «из области кошунства суицид переходит в нейтральную область неразумия» (Фуко 1997: 108) — верно фиксирует изменение, но, вероятно, не точно производит оценку. Оправдывая биологическими трудностями подобный поступок перед людьми и законом, общество отграничивает таким образом девиантное суицидоопасное меньшинство от нормального большинства, причисляя суицид к вполне объяснимому и известному феномену, наверняка не зависящему от социальных законов. Вместе с тем диагноз психически больного способствует лишь большему отвержению и табуированию данного явления.

Однако существовали и существуют некоторые исключения из правила, когда самоубийство воспринималось положительно, вызывало восхищение как способность преодолеть барьер уважения к жизни. Эти исключительные аттитюды могли иметь в своей основе, например, концепцию чести и избежания позора, воинские ритуалы или альтруистические предписания. Характерно, что во многих подобных случаях суицидальная смерть романтизировалась, иногда поэтизировалась или воспринималась как неизбежная:

Действие	Индивид
Мужество Верность, преданность, самопожертвование Духовность (не телесность) Философский поступок, проявление свободы воли, признак гения, философа	Смелый, сильный Верный, преданный, альтруистичный Сильный духом, аскет Высокий интеллект, дерзающий сомневаться

Однако, в целом, изменения установок к суициду в истории человеческого сообщества сводятся к преобладанию следующих чувств: страх — отвержение — сочувствие. Все три понятия описывают процесс дистанцирования и отстранения от самодеструкции, будь то отношение к ней как к необъяснимому действию или ощущение превосходства (плохой конец плохой жизни) с позиции собственного более сильного типичного жизненного пути. И в этом смысле феномен может быть определен в терминах концепции нетипичности. Согласно Е.Р. Ярской-Смирновой, «нетипичность представляет собой интерсубъективную категорию, передающую смысл ситуации неопределенности типа действия или типа личности в современной повседневности, представленной разнообразными социальными практиками исключения» (Ярская-Смирнова 1997: 53). Категориальный аппарат теории нетипичности позволяет отнести суицид к ситуации неопределенности типа действия, поскольку личность суицидента можно типизировать только условно. Самоубийцы не являются действительной социальной группой (как, например, инвалиды), а в отношении к тем, кто совершил суицидальную попытку, неприменимо понятие страты. Исходя из данных представлений, можно предположить, что суицид выступает в качестве нетипичного социального действия.

Таким образом, эволюция аттитюдов к самоубийству происходила одновременно с развитием мировоззрения в различные исторические периоды. Вне зависимости от знака отношения суицидальная смерть табуировалась, а человек, совершивший суицид, стигматизировался, например, приписыванием психической болезни. В этом контексте, следовательно, можно с уверенностью утверждать, что решающее значение в отклонении принадлежит не отклонению, а отношению к нему.

Образы суицида в повседневности

Одним из методов определения места суицида в частной культуре является выяснение того, как он репрезентирован в литературе, искусстве, религии, законе, философии, СМИ, общественном мнении. Центральной проблемой, с которой сталкивается на этом пути культурный аналитик, выступает предположение о том, как оценивать отдельные культурные проявления — будь то пьеса, картина, фильм, закон, религиозная практика. Отражают ли они некоторую общую тему в культуре или являются сами по себе инициаторами этой темы или культурных аттитюдов? Так, определяя способ, с помощью которого пьесы Шекспира изображают отдельные типы личности с

особыми проблемами, можно выделить «типично суицидальные» контексты, существующие и в настоящее время в британской культуре (Atkinson 1975: 153). Во многих пьесах Шекспира суицид изображается как единственно почетный и логически верный шаг.

Другим достаточно объемным вопросом при исследовании культурных оснований суицида является противоречие между общественным смыслом и экспертным знанием. Обе эти модели понимания и объяснения суицида сосуществуют в современной культуре, зачастую слабо пересекаясь. В представлении П. Бергера и Т. Лукмана подобные отношения поддаются измерению: по их мнению, социологическое понимание реальности и знания находится где-то посередине между пониманием их рядовым человеком и философом (Бергер, Лукман 1995: 10). Экспериментальные исследования, стремясь к «чистому» знанию, пренебрегают обобщенными смыслами, с помощью которых участники культуры интерпретируют суицидальные события. Однако нельзя утверждать, что предложения неспециалистов неверны и пристрастны, не основаны на данных современной науки и, следовательно, не обладают значительным влиянием, в отличие от экспертных источников. Именно социальные аттитюды — выходцы из среды общественных смыслов — определяют мотивы и причины последующих самоубийств.

Кроме того, среди «экспертов» нет единства, борьба различных концепций и теорий продолжается. Актом свободной воли индивида, политическим действием или поиском личного назначения смерти (рациональное объяснение) признается самоубийство «ради чего-то» человека, находящегося «где-то там», ослаблению душевных сил, депрессии, одиночеству или отсутствию поддержки (детерминистская модель) приписывается самоубийство близкого человека. Своеобразным культурным феноменом остается медиализация суицида. Поправка «в то же время эмоциональный баланс был нарушен» часто добавляется к суицидальному вердикту полицейскими.

Каким образом «обычные люди» объясняют и понимают суицидальный феномен? Они, подобно экспертам-суицидологам, вовлечены в анализ своей культуры и полагаются на культурные знания и соглашения, на достаточно фиксированные аттитюды, верования и правила. Немалую роль, по М. Аткинсону, в конструировании решения о суициде играют полицейские (Atkinson 1975: 43). Изучая стратегии принятия решения полицейскими, М. Аткинсон пытается найти ответ на вопрос «когда смерть квалифицируется как суицид?» Значимыми параметрами выступают: предсмертные записки; определенный способ смерти; место и обстоятельства смерти; информация об индивидуальной жизненной истории и психическом состоянии.

Полицейские теории общих смыслов суицида влияют не только на определение того, что та или иная смерть признается как суицид, но также и на общественное восприятие этого поведения. Полицейские не только участвуют в определении суицида в обществе, — они также склонны к реинтерпретации этих определений для общественности и, возможно, к формированию новых понятий. Определяя чью-то смерть как суицид, они, в сущности, говорят другим людям в обществе: «Вот виды смертей, являющиеся

суицидальными, вот ситуации, в которых люди совершают суицид, и вот типы людей, которые совершают суицид» (Aggleton 1993: 57).

Гарольд Гарфинкель сформулировал эту проблему, описывая работу Лос-Анжелесского Центра Суицидальной Превенции (Atkinson 1975: 153). Он отмечает, что когда чья-то смерть рассматривается как прецедент суицида, то расследование начинается со сбора остатков: кусочков и частей одежды, медицинской экспертизы и других памятных материалов, которые могут быть сфотографированы, собраны и упакованы. Другими «остатками», имеющими отношение, являются слухи, сделанные замечания, истории. Все эти кусочки и части, истории и устные замечания используются, чтобы сформулировать признанный, последовательный, стандартный, типичный, убедительный, унифицированный, запланированный, то есть рациональный отчет о том, как работало общество, чтобы предъявить эти остатки. По мнению Гарфинкеля, не все приемлемые «остатки», «кусочки» и «части» будут вовлечены в финальную историю и не все будут полезны в производстве рационального отчета. Кроме того, обычные люди как члены культуры также вовлечены в конструирование объяснений и истории о самоубийстве и интерпретируют их как приемлемые или «возможно верные».

Гарфинкелем и другими этнометодологами был предложен способ разрешения противоречия между «картой» культуры и реальным миром в социологии знания — между реальностью как качеством феноменов иметь бытие и знанием как уверенностью в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками (Бергер, Лукман 1995: 9). Существуют некие фундаментальные (глубинные) ожидания (background expectancies) — смыслы и контексты, в которых события закрепляются для членов культуры, и смыслы и контексты, которые исследователь использует, интерпретируя их (Riessman 1990; Девятко 1996; Барт 1996). Таким образом, прежде чем формулировать проблему как одну из описывающих культуру, следует анализировать способы, которыми члены культуры используют и полагаются на культурные знания и соглашения, чтобы создать смысл мира. Именно на этом пути возникают и анализируются типично суицидальные контексты.

Влияние социокультурных образцов прослеживается в предсмертных записках суицидентов. А.Г. Амбрумова и Л.И. Постовалова отмечают существование «мотивационных заготовок», усвоенных объяснительных схем, оправдывающих и обосновывающих выбор суицидального решения в определенных типичных жизненных ситуациях. «Само по себе наличие существующих в культуре стандартных объяснений суицида, которые легко выделить в предсмертных записках суицидентов, говорит о том, что суицидальная модель поведения, как и другие социализированные формы поведения, усваиваются индивидом в процессе его социализации» (Амбрумова, Постовалова 1986: 53). Авторы приводят примеры суицидальных моделей: в случае неразделенной любви самоубийство обусловлено особыми социальными представлениями и достаточно длинной историей. После выхода в свет романа Гете примеру молодого Вертера последовали десятки юношей по всей Европе и романтическая смерть превратилась в литературный штамп.

Социальное подражание как фактор, запускающий акт самоуничтожения, также выступает в качестве социокультурного феномена суицида. Воздействию подражания и внушения суицидальных идей уделяется внимание во многих работах. Отсутствие социальной поддержки играет существенную роль в генезисе самоубийства и детерминирует суицид, однако культурные образцы являются условием, которое утверждает кризисных индивидов в принимаемом решении. Подобные модели имеют разрешающее и провоцирующее действие. В частности, это относится к семейному опыту предыдущего суицидального поведения и установке, которую имеет семья к такому поведению. Так, Н. Тайхер обнаружила, что около половины выборки подростков, совершивших суицидальную попытку, имели родителя, родственника или близкого друга, совершившего самоубийство (Ремшмидт 1994: 169). Кроме того, в молодом возрасте наблюдается стремление к поступку, граничащему с запретным, поэтому среди подростков часты имитации самоубийства — суицидальные попытки. Наилучшими рекомендациями для подобного типа намерений является совершение символического самоубийства — коренное изменение своего существования.

Т. Бьярнасон, изучая влияние социальной поддержки, подражания и депрессии на суицидальное поведение среди исландской молодежи, делает попытку объединить дюркгеймовскую интерпретацию суицидального поведения через нарушение регуляции и интеграции в группе и два альтернативных подхода — суицидальное подражание и психологический стресс (Vjarnason 1994: 198). Было отмечено, что суицидальное подражание скорее воздействует на суицидальное поведение мужчин, чем женщин, среди которых более выражены депрессивные тенденции. Кроме того, Бьярнасон было установлено, что моральная поддержка семьи уменьшает как депрессию, так и суицидальное поведение, материальная поддержка уменьшает только депрессию и лишь косвенно — суицидальное поведение (Vjarnason 1994: 200).

Инициаторами отдельных культурных аттитюдов к самоубийству выступают средства массовой информации, а также кино, театр и другие формы культурной жизни общества. Воздействие подобной темы на массовое сознание, к сожалению, недостаточно изучено. Между тем большое значение имеет способ предоставления информации о фактах самоуничтожения, зачастую либо носящий сенсационный характер, либо принимающий форму снисходительной иронии, «черного юмора» на тему суицида. Иногда можно встретить подчеркивание особых привилегий, которых добился индивид, совершивший суицидальную попытку. Вновь обращаясь к труду Дюркгейма, заметим, что «...явление морального заражения может распространяться двояко: или факт, служащий образцом, передается из уст в уста через посредство так называемого общественного мнения, или его распространяют газеты <...> оказывают влияние в особенности последние, и нельзя не признать, что они действительно являются могучим орудием распространения идей» (Дюркгейм 1912: 110).

Литературные стереотипы воспроизводятся и повторяются, отравившись из-за несчастной любви вновь называются «ромео» и «джульеттами», а некоторые протестные реакции против социальной несправедливости или не-

защищенности сводятся к понятному объяснению — психиатрическому диагнозу. Заголовки газетных статей возвещают, что город «в ожидании третьего трупа» самоубийцы, политические карикатуры озвучивают: «русские с удовольствием затянут потуже пояса... у себя на шее». Продуманные и грамотные профилактические радио- или телепередачи очень редки. Кроме того, «описывать надо не самоубийства, а множество путей выхода из мнимо безвыходных кризисных ситуаций» (Школа выживания 1996: 350). Таким образом, отсутствие социальной и психологической культуры, перегруженность мифами и стереотипами о самоубийстве характеризуют современные российские средства массовой информации.

Прекрасный пример работы со средствами массовой информации представляет деятельность британской спасательной телефонной сети «Самаритяне» (Atkinson 1975: 135). Организация является неофициальной службой Британской социальной защиты и состоит из волонтеров. Такого рода суицидальная превенция позволила реально снизить уровень суицидов в Великобритании. Однако особое значение имеет знакомство широкой общественности с деятельностью самаритян в форме телевизионной драмы «The Befrienders» (помощники). Впервые эта программа была продемонстрирована BBC и, получив общественное одобрение, стала многосерийной. Самаритянами было обнаружено, что проблема суицида у звонивших связана с другими социальными и психологическими проблемами: жильем, финансами, здоровьем, поэтому необходимо тесное взаимодействие с соответствующими службами или структурами.

Несмотря на развитие научной мысли, мифы о самоубийстве, сохранившиеся издревле, существуют в современной культуре. В очередной раз подтверждается противоречие между теоретическими исследованиями и социальными представлениями — развитие социологических и психологических знаний о природе и сущности явления не находит отражения в массовом сознании. Наиболее противоречащим реальности, неадекватным социальным представлением является миф о психической болезни суицидента. Согласно статистическим данным, в том числе и психиатрическим источникам, лишь 15–20 % совершивших самоубийство психически нездоровы (Бородин, Михлин 1978). Другой миф описывает тип людей, фатально склонных к самоубийству: чувствительных, меланхолических или эксцентричных. Существует также представление о некотором императиве, влечении и тяготении к самоубийству — один раз возникнув, подобные мысли постоянно притягиваются, когда человек попадает в трудные ситуации. Пожалуй, именно в этом случае можно говорить о невротическом состоянии. Кроме того, необъяснимый и до конца непонятый феномен по-прежнему вызывает страх и отстранение, соответственно, ему приписываются многие сакральные и трагические особенности.

Подобной особенностью выступает, например, наследственная предрасположенность к аутоагрессивному действию — очередной мифологический сюжет, вероятно, фиксирующий лишь феномен суицидального подражания. Следующий миф подчеркивает, что тот, кто действительно решает лишиться себя жизни, вряд ли будет рассказывать об этом и предупреждать

окружающих, а тот, кто говорит о самоубийстве, никогда его не совершит. Последнее будет скорее восприниматься как шантаж, манипуляция, направленная на достижение особых привилегий и собственную выгоду. На самом деле, истинность намерений проверить достаточно сложно, в любом случае разговоры о самоубийстве свидетельствуют о личностном кризисе. Как отмечается во многих источниках, окружающие, узнав о чьих-то суицидальных намерениях, наряду с тревогой испытывают нетерпение и раздражение (Achte, Lönnqvist 1975: 95).

Таким образом, задачами социокультурного анализа суицида является изучение установок к самоубийству, репрезентаций суицида в различных формах культурной и социальной жизни, типичных суицидальных контекстов, культурных соглашений о самоубийстве, мотивационных схем суицида, суицидального подражания, литературных стереотипов, мифов и домыслов о самоуничтожении. Культурные образцы имеют разрешающее и провоцирующее действие, укрепляя кризисных индивидов в принимаемом решении. Отсутствие превентивных и образовательных программ в средствах массовой информации, перегруженность мифами и стереотипами создают дополнительные условия для неадекватных представлений и, в конечном счете, влияют на уровень суицидов.

Литература

- Амбрумова А.Г. Суицидальное поведение как объект комплексного изучения // Комплексные исследования в суицидологии. Сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. НИИ психиатрии, МЗ РСФСР, 1986.
- Амбрумова А.Г. Возрастные аспекты суицидального поведения // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. Сб. науч. трудов. М., 1989.
- Амбрумова А.Г. Самоубийство и некоторые проблемы семьи в современной России // Гендерные аспекты социальной трансформации. Демография и социология. Вып. 19 / Под ред. М.М. Малышевой. М., 1996.
- Амбрумова А.Г., Постовалова Л.И. Анализ предсмертных записок суицидентов // Комплексные исследования в суицидологии. Сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. НИИ психиатрии, МЗ РСФСР, 1986.
- Барт Р. Мифологии. Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бердяев Н. О самоубийстве // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1.
- Бехтерев В. О причинах самоубийства // Антология социальной работы. Т. 2. Феноменология социальной патологии / Сост. М.В. Фирсов. М.: Сварог-НВФ, 1995.
- Бозрикова Л., Семенов А. Аттитюды и их связь с поведением // Социальная психология за рубежом. М., 1974.
- Бородин С.В., Михлин А.С. Мотивы и причины самоубийств // Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии. М., 1978.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гишинский Я.И., Смолинский Л.Г. Социодинамика самоубийств // Социологические исследования. 1988. № 3.
- Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4.
- Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля // Мир России. 1997. № 1.

Грин Б.Ф. Измерение установки // Математические методы в современной буржуазной социологии / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1966.

Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: TEMPUS / TACIS, 1996.

Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.

Дуаз В. Явление анкерности в исследованиях социальных представлений // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб.: Изд-во Н.П. Карбасникова, 1912.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.

Катастрофы сознания. Самоубийства религиозные, ритуальные, бытовые, сподобы самоубийств / Подгот. текста Ревяко Т.И., Трус Н.В. Мн.: Литература, 1996.

Лихачев А. Самоубийство в западной Европе и европейской России // Антология социальной работы. Т. 2. Феноменология социальной патологии / Сост. М.В. Фирсов. М.: Сварог-НВФ, 1995.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ., 1996.

Почагина О.В. Похоронная обрядность и связанные с ней верования горных народов Северного Лусона // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1986.

Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности / Пер. с нем. Г.И. Лойдиной. М.: Мир, 1994.

Скородумов А.А. О необходимости профилактики суицидального поведения адептов деструктивных религиозных культов // Вестник психосоциальной и коррекционной реабилитационной работы. 1998. № 3.

Социальные отклонения. М.: Юридическая литература, 1989.

Социальные представления: теория, критика, эмпирия (Сводный реферат) // Российский Журнал Социальные и гуманитарные науки. Сер. II. Социология. 1996. № 1.

Спиноза Б. Этика / Пер. с лат. СПб.: ТОО Мегакон, Аста-пресс, 1993.

Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.

Устав Морской. Санкт-Петербург, 1763.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.

Школа выживания. Обеспечение безопасности жизнедеятельности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. М., 1900. Т.1.

Энциклопедический социологический словарь / Общ. редакция акад. РАН Г.В. Осипова. Российская Академия наук. Институт социально-политических исследований, 1995.

Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. II. М.: Канон, 1995.

Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

Achte K.A., Lönnqvist J. Suicide in Finnish Culture // Suicide in different cultures / Ed. by N. Farberow. University Park Press, 1975.

Aggleton P. Suicide revisited // Deviance. London and NY. 1993. Reprinted.

Atkinson M. Some Cultural Aspects of Suicide in Britain // Suicide in different cultures / Ed. by N. Farberow. University Park Press, 1975.

Barbone S., Rice L. Spinoza and the problem of suicide // International philosophical quarterly. 1993. Vol. 24. № 2. Issue 134, June.

Bjarnason T. The Influence of Social Support, Suggestion, and Depression on Suicidal Behavior among Icelandic Youth // Acta sociologica. 1994. T. 7.

Farber M. Psychological Variables in Italian Suicide // Suicide in Different Cultures. Ed. by N. Farberow. University Park Press, 1975.

Farberow N. Cultural history of suicide // Suicide in different cultures. Ed. by N. Farberow. University Park Press, 1975.

Farberow N., Simon M. Suicide in Los Angeles and Vienna // Suicide in Different Cultures / Ed. by N. Farberow. University Park Press, 1975.

Mead M. Some personal views. New York, 1979.

Reynolds D., Kalish R., Farberow N. A Cross-Ethnic Study of Suicide Attitudes and Expectations in the United States // Suicide in Different Cultures / Ed. by N. Farberow. University Park Press, 1975.

Riessman C.K. Divorce Talk. Women and Man Make Sense of Personal Relationships. New Brunswick, London: Rutgers University Press, 1990.

Weerasinghe J., Tepperman L. Suicide and happiness: seven tests of the connection // Social indicators research. Dordrecht, 1994. Vol. 32. № 3.